

Артур Олейников

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Артур Олейников

Избранные произведения

«Издательские решения»

Олейников А.

Избранные произведения / А. Олейников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907787-5

Избранные произведения, состоят из циклов рассказов, которые затрагивают главные стихии человеческой жизни: вера, любовь, война.

ISBN 978-5-44-907787-5

© Олейников А.
© Издательские решения

Содержание

МАСЛЕНИЦА НА ДОНУ	8
СОБОЛЕВ	12
ПРОЛОГ	18
Атаман Краснов	23
ДОН	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Избранные произведения

Артур Олейников

© Артур Олейников, 2018

ISBN 978-5-4490-7787-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ИЗБРАННОЕ

Дон – Батюшка

РАЗИН

«Вся история России сделана казаками».

Лев Толстой

Прикованный к виселице, которая была вмонтирована в огромную телегу, Разин то и дело поднимал с груди обессиленную голову и словно степной донской орел смотрел на всех сверху вниз.

– Любо! Любо! – повторял Бесстрашный Атаман и думал, что как и положил ему Бог, Он добрался до Москвы. Пусть и так, пусть Они думают, что вышло по их. Пусть Они думают, что Он сломлен и скоро будет забыт. Нет не будет... Славно он погулял по земле и на века Его Донского казака будет помнить Россия.

Да подло предали, но то трусы, хотели просто пограбить, а как дело коснулось жизнью расплачиваться то как говорится в кусты, а просто люд, что от земли русской те все как один были за Разина.

Крестьяне, посадское население, городовые стрельцы, работные люди и даже священники из простонародья – шли к Разину. Десятки, сотни, тысячи...

Да и теперь на Разина шла смотреть вся Москва от мало до велика. И было то не развлечение. Тянул всех донской Казак, словно огонь в ночи. Хоть это и не говорили, боялись то и помалкивали. Может в самой Москве было и больше их нерадивых до Царя русских людей, чем по всей России, а многие из смутьянов так затем и приехали сегодня в Москву, чтобы в похию увидеть, посмотреть какой он Донской Казак. Шашкой то махать да баламутить ума у каждого хватить, а за дела отвечать, вот так смерть принять, чтобы не только перед людьми, а и на том свете не стыдно было, это не каждый совладает. То поистине надо силу иметь и не в руках, а в сердце в душе силой великой и необыкновенной владеть, да не от себя а от Бога, в душу и в сердце быть положенной. Это знал Разин и то понимали и больше всего боялись и его палачи. А то не так бы мучили его перед публичной казнью- били кнутом, вздернув на дыбе, выворачивали суставы плеч и рук и жгли, проложив голой спиной на угли огромной жаровни. Атаман, с презрением глядя на мучителей, молчал. За все три дня невероятных истязаний Разин не издал даже слабого стога и ни разу не потерял сознание. И 6 июня 1671 года Разина вывели на Лобное место. По свидетельству курляндского путешественника Якоба Рейтенфельса, московские власти, опасаясь волнений простонародья, окружили площадь «тройным рядом преданных солдат, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск».

Разин, твердо переставляя ноги, взошел на помост к палачу. Очевидцы казни сообщают, что голубые глаза казацкого вождя смотрели совершенно спокойно, величественно спокойным

было и его лицо. Атаман, демонстративно избегая поклона в сторону Кремля и царя, поклонился на три стороны народу и с достоинством проговорил: «Простите!»

С его плеч сорвали ветхое рубище. «Все тело Стеньки, – свидетельствует Рейтенфельс, – представляло безобразную багровую массу волдырей, кое-где сухая обожженная кожа висела лохмотьями».

Разина уронили на специальные доски для четвертования. Палач взмахнул секирой – раздался хруст перебитых костей и страшный тупой звук удара – это упала с досок отрубленная по локоть правая рука Разина. Новый взмах секиры и удар по левой ноге. Степан Разин не проронил ни звука.

– О-о-о-о... – пронеслось эхо в толпе словно удар колокола. – Бог с ним! – прошептала какая то баба и заплакала.

– Будете, будете, – проговорил в бороду мужик, – Не мучите уж боле, бей, так что б, уже к Богу слетел!!!

Разин снова и снова поднимал голову и осматривал толпу словно заглядывая каждому в глаза и в сердце.

«Он как будто хотел показать народу, – свидетельствует очевидец казни, – что мстит гордым молчанием за свои муки, за которые не в силах уже отомстить оружием».

Но словно и того больше, Он Разин понимал, что это его последний и самый главный бой, поединок с судьбой, что если сейчас он дрогнет и попросит пощады у мучителей, то проиграет. И только одного ему не доставала, куполов храмов родного Черкесска... Но они жили в сердце, и эхо звона их колоколов раздавалось в сердце и душе Великого Сына Дона!

Вот еще последний взмах топора палача и голова Разина покатила по земле... Да, а с ней и Слава о Великом Богатыре Дона, покатила и катится по всей земле. И в изданном в 1672 году в Германии первом иностранном сочинении о войне казаков Степана Разина есть важный вывод, с которым трудно не согласиться. Только «при помощи виселиц, костров, плахи, иных кровавых расправ, и того, что в сражениях истребили не менее ста тысяч человек, все пришедшие в колебание и взбунтовавшиеся земли Московии были снова приведены к повиновению».

БУЛАВИН

После последней ни удачной попытки взять приступом Азов, полки Атамана Кондратия Булавина отступили.

Где – то на привале Кондратий Булавин не спал всю ночь. Сидел один в шатре сжимая шашку. Он сердцем чувствовал, что сейчас с ним придут расправиться свои же казаки. Но какие они его, придут те у кого было золото и полные пшеницы закрома и те которые рассчитывали ограбить Азов, списав все на него Булавина.

– Холопы! Царёвы подошвы! – сказал Булавин вошедшим домовитым казакам решившим покончить с Булавиным и покориться царю.

– Не шуми Кондрат! – сказал один из изменщиков. – Тебе терять нечего! А у нас хозяйства...

– Золото! – сказал Булавин не дав договорить предателю. – Так послушайте меня! Гутарить мне с вами долго нечего, вот мои главные слова, скажу и к Богу пойду! Я последняя Ваша Воля! Не станет меня, не быть боле и Воле на Дону! Петр Вас всех под свою дудку плясать заставит! А настанет время и во все вытравят казачий Дух с Дона! Потому что пока жив говорю, что не может быть у казака Царя, а кроме Христа! Если иной царь, как бы его не звали, Петр или Владимир, во все временна имя ему одно- тиран и душегуб, казачий Воли! Христа одного принимаю! И со Христом иду на смерть!!!

ПУГАЧЕВ

Пугачева обступили изменщики, чтобы вымолив прощение перед Екатериной, они живым решили пленить своего атамана.

Пугачёв выстрелил из мушкета в грудь первому кто к нему приблизился.

Пороховое облако заволкло и застелило глаза ослепив на миг предателей. Пугачев с саблей в каждой руке ворвался в строй предавших и стал рубить головы.

– А-а-а-а!! Сучье потроха! – выкрикивал атаман и рубил на лево на право.

– Брать живым! Живым!!! – раздавалось отовсюду.

– Живым?! А возьмите! Иуды! – выкрикнул Пугачев.

Но силы были ни равными. Одну за другой выбили сабли из рук Пугачева. Атаман выхватил кинжал и подставил к горлу:

– Не дамся! Не дам Вам меня на расправу отдать! Дон позорить не дам! Веру Святую!

– Не дури! Брось!

И только Пугачев хотел пронзить себя – все гурьбой набросились на него со всех сторон. Стали связывать.

– Прости, прости Атаман! Нам свои головы дороже!

Пугачев плевал в рожи пленивших:

– Когда Казань грабили, жгли, насильовали! О головах не думали!! На атамана руку подняли все равно, что на отца руку подняли!!

– Бог простит! – отвечали изменщики

– Бог?! Бог то простит!! Дон ни когда не забудет Пугачева! Ни когда!

– Пушай, мы за то не гутарим!

– Убейте, убейте лучше будет!

– Э нет! Ты наша грамота охранная!

– Кляп, кляп в рот ему дайте!

– Рот Вы мне заткнете! Дон никогда! – ответил Пугачев и заплакал... Сначала тихо, потом на врыв. Казаки отвернулись, кто-то не выдержал и тоже стал вытирать слезы сами собой покотившиеся из глаз. И каждый думал о Доне...

МАСЛЕНИЦА НА ДОНУ

Бойкого и разудалого казака Луку, веселая «шайка» казаков станичников выбрала в «масленичные атамань».

– Мирон! Стало быть тебе исаульцем! – сказал Лука.

И Мирон взял трость навязанными на ней пучком “ васильков»

– А теперь, ада к Атаману!

– Пошли! – весело хором отвечают казаки.

Станичный Атаман уже поджидает казаков идущих к нему за знаменем. И так просто знамя, Атаман не выдаст.

К веселой масленичной толпе присоединяются старики из самых почетных и домовитых, чтобы погулять с молодежью...

Атаман уже стоит на пороге и улыбается в усы.

Лука поклонился Атаману.

– Андрей Макаревич! – говорит уважительно Лука.

– За знаменем! Знаю! А вот не дам! Сначала докажи!

– А что доказывать! Масленица! Погулять хотят казаки!

– А казаку на роду написана гулять! – сказал Атаман.

– Правда твоя Атаман! Но без знамени не как нельзя! Казак без знамени не гуляет! По хатам без знамени ходить все равно лисой в курятнике шариться! Честь держать будем коли знамя! И хате почет в какую зайдем! Не как без знамени нельзя!

– Гутаришь правильно! Держи знамя!

Лука берет знамя.

– Спаси Христос! – кричат казаки кланяются Атаману и веселые идут в первую попавшую хату. Знамя устанавливают над крыльцом и ставят на охрану часового.

И так гуляют казаки от хаты к хате. А в прощенное воскресенье идут на погост помянуть покойников.

На кладбище веселье сменяет спокойствие и почтение к усопшим.

Лука задумчиво стоит над могилой родного деда и вспоминает, как дед Варфоломей первый раз учил его еще ребенком держаться в седле. Как водил на Дон с прутом и приговаривал:

– А ну бей! Да так, чтобы брызг меньше! От плеча! Так, так!

– Диду, а шашку, когда?

– Шашку?! А вот тыщю раз вдаришь, а потом поглядим! Не куда твоя шашка не денется!

– А искупаться?

– Искупаешься, когда семь потов с тебя сойдет! Да про молитву помни! Да не забывай креститься, когда в реку войдешь! То не простая река! А наш Дон – Батюшка!

У Луки от воспоминаний сама собой навернулась слеза!

– Спи спокойно дедушка! – говорит Лука вытирает слезу.– Помню твой наказ и все своим детям, и внукам передам.

И все идут с погоста чинно и думая о своем. А на следующий день Великий Пост. Станица становится серьезной и благочинной. Все с от мало до велика с душевным трепетом ждут и считают дни до Пасхе – Христова Воскресение...

БАГРЯНЫЙ ДОН

Донские станицы были усеяны изрубленными телами казаков. Женщин, стариков, подростков, которые могли бы взять в руки отцовскую или дедовскую шашку и встать на защиту родной земли, Батюшке -Дона.

Стариков били за проклятья! За то, что одев Георгиевские Кресты они выходили из куреней и все как один говорили:

– Проваливайте бешенные волки к себе в тамбовские леса! Дон казаков, был и будет! Мы кровью своей заслужили себе землю, дома, скот! А вы кровожадные на всё готовое пожаловали!!! С начало заслужите!

– С тебя заслуживать и начнем! – отвечал какой- то мужик и стрелял в упор старика или не умело бил шашкой отобранной у мертвого казака в ни равном бою. Так, что смерть приходила к старому казаку долго и он корячась от боли и харкая кровью умирая, говорил:

– Шашку сначала в руках научись держать, коль рубить стал! Сучий потрах!

Женщин просто кого насильничали до смерти или тех кто становился на защиту подростков сыновей, нещадно убивали на глазах детей, вслед за которыми их самих еще безусых стреляли, кололи, резали.

И столько их было изуродованного и замученного мертвого казачьего люда, что хоронить было не кому и просто лень.

И сыны и матеря Донской Земли сотнями тысяч бросали в Дон!

Дон- Батюшка без разбора принимал каждого, словно родное дитя, обмывал от крови и нес в своем течении, словно на руках к Господу...

Мирон и Пантелеймон одностаничнике – казаки по шестнадцати лет, ночью уведя у красных табун вороных с винтовками за плечами и отцовскими шашками, проскакали всю ночь и на отдых привели табун на берег Дона.

Взмыленные лошади сначала стали жадно пить и вдруг зафыркали и отошли от воды.

– Смотри Мирон! – воскликнул Пантелеймон. Дон багряный от крови!

– Спаси Христос!!! – сказал Мирон и увидел как сотни казаков, словно плоты плывут по течению. И перекрестился!

Одного из убитых и истерзанных прибило к берегу.

Лошади заржали.

– Надо похоронить! – сказал Мирон.

– А если нагонят?

– Всё ровно хоронить станем!

Так и вышло!

Не успели казаки прочесть Отче наш над могилой как показались преследователи.

– Пантелеймон уводи табун я их задержу! Раздам гостинцев как отец учил!

– Я с тобой!

– Вдвоем пропадем и табун не спасем! Уходи!!! – выкрикнул Мирон вскочил на коня обнажил шашку. И, словно, когда сокол падает с неба на землю, со скоростью ветра бесстрашно поскакал на палачей родных земляков, на бесчинных осквернителей Донской Земли.

И страшен и смертелен был как гром и гроза!

Так рубил Мирон как гордился бы дед и весь Дон!

Поняв, что бессмысленно драться с казаком и если сейчас его не остановить он изрубит всех, один выхватил маузер и весь разредел в Мирона.

Намертво сжимая в руке отцовскую шашку Мирон припал к родной земле и ни когда в последний миг своей жизни, она не казалось ему такой теплой и родной все ровно, что мать...

КАЗАКИ

Последняя уцелевшая Казачья Сотня, словно стая птиц носилась по выжженной и обескровленной Донской Земле и ни как не желала как многие уходить к Врангелю, чтобы слиться с последними силами Белой Армии и вернуться на Дон, становилась на ночлег в голой степи. Казаки эти были все как один служивые! За плечами у каждого Первая Мировая! Груды в георгиевских крестах и седина на закрученных чубах. Они знали, что ни какой Врангель не придет

на Дон и казаки примкнувшие к нему сложат голову в чужом краю, так, что и помянуть будет некому. Но и то знали казаки, что так долго продолжаться не могло и всё без мыслимо. Перестреляют их в погонях, рассеет смерть сотню и обвенчает бесславной смертью...

– Ни волки мы же какие, чтобы как какая кровожадная стая бить сошку! Отряды, да дозоры красных! – сказал Степан Атаману.

– Верно гутаришь! Я ждал этих слов! И то, что мы ни волки, Мы казаки! Мы на своей земле родились и на своей земле умрем! Но умрем как и положено казаку в не равном бою! Казак может погибнуть если против него одного – десять! Выступаем на Черкесск! Сколько их там сейчас, тысяча?

– Две тысячи! – ответил Степан

Атаман улыбнулся:

– Ещё лучше! Так что погуляем Казаки али нет?!

– А как же! Гулять так гулять! Нет у казак отца акромья Дона и матери акромье богородицы!

И на рассвете, как только солнце оторвалось от горизонта и осветила купала и кресты Храмов Черкесска, Бесстрашная Сотня с шашками на голо сметя на своем пути часовой караул, и как стая птиц наконец добравшись до родного гнезда закружила на станичной площади.

– Где Вы? Петухи уж пропели! Солнце встало! Выходите из наших хат мужичье! Лапотники! Умирать время пришло! – прокричал Степан.

Застрочил максим.

И насмерть сбил с коней нескольких казаков бесстрашной сотни.

– Черт вас дери! – закричал Степан и галопом поскакал на пулемет, в котором иссякла лента. Степан верил в доброго донца – своего друга скакуна, что настигнет, что не успеют подать новой ленты в чертов максим убивших казаков и убьёт еще если он не настигнет его.

– Давай! Шибче мой родной! – кричал Степан вороному и он не подвел.

Степан закружился подняв коня на дыбы возле пулеметного расчёта и шашкой изрубил всех от плеча до пояса.

Ха-ха-ха! – смеялся Степан и только успел погладить верного скакуна и поблагодарить за удал как пуля залетело Степану под левую лопатку – прямо под сердце.

Так Степан и повис на верном скакуне товарище словно обнимая. Конь дико заржал, словно мать кобылица потерявшего жеребенка кровиночку и понёс своего мертвого хозяина куда- то в степь. Нес и слышал как сражались и умирали последние сыны Дона за родную землю.

Долго носил на себе конь мертвого Степана пока не добрался куда- то до пустынного берега Дона – Батюшке. И только тогда так встав на дыбы, что ноги Степана выскочили из стремена и он не упал в Дон! И пусть мертвый испил Святой воды для каждого казака, испил и только тогда отошел к Богородице...

УЖАС СТАНИЦЫ КАРГИНСКОЙ

Молодой безусый комиссар в кожаной куртке – махал маузером и для устрашения производил выстрел каждые несколько минут.

– Девоч! Всех девочек, что не замужние выдать не медля! Бгать силой! – картавил комиссар.– Кто не выдаст, убивать на месте.

Маленькие китайцы и не спрашивали согласия, они, словно саранча забегали в курени и убивали стариков, старух, баб, и за волосы вытаскивали молодых еще даже не целованных казачек, и волоком тащили к комиссару.

Десятки, сотни.....

– Тысяча! – рассмеялся молодой картавый комиссар. – А теперь дивчины ада окопы рыть! Казаки наступают! Будем устгаивать обогонительное укрепление. Сейчас китайские товагищи выдадут вам по лопате и станете копать.

– Где же это видно было, что казачки окопы копали? Так ещё пуще против своих отцов казаков? – смело в лицо комиссару сказала одна казачка.

– Как звать? – спросил комиссар.

– Аксёна!!

– Кгасивое имя! Не хочешь копать, пойдешь со мной зорьку встречать.

– Ха-ха-ха!! – рассмеялась Аксёна. – Да я лучше с быком на сеновале спать буду, чем с картавым! Хоть усы отрастил бы! Жених!!! А может оно у тебя того, еще и не выросло ничего, как и усы? А?

Раздался выстрел.

Аксёна повалилась замертво.

– Другие посмотрят, что у кого выросло!! Всех напоить и после пусть копают.

Стали насиловать....

Казачки впивались когтями, кусали до крови. Триста казачек, тех, что так и не смогли изнасиловать, кого застрелили, кого закололи штыками или разбивали голову прикладам винтовок.

Остальные униженные и оскорблённые с последних сил копали окопы. Кровь сходявшая у девушек по ногам мешалась с черноземом и земля становилась бурой, и словно была предвестником, что самое страшное ещё впереди.

И когда вдалеке показались казаки.

Комиссар отдал приказ.

– Все казачки, встать из окопов и постоиться в шеренгу.

Казачки сделали и смотрели со слезами на глазах как сотня их отцов и братьев все ближе и ближе была к ним, пусть и поруганным, но родным, идет спасти их.

– Пгиготовиться! Огонь!! – скомандовал комиссар и в спины казачек полетели пули и все они как одина приклонили головы к родной земле.

Какой- то не человеческий вопль ужаса и горя раздался со стороны накатывающих казаков! И они ещё ускорили бег своих верных донцов и обнажили шашки.

– Пулеметные расчеты! Огонь! – скомандовал комиссар и десять максимов застрочили, заиграв адскую песню смерти...

Казаки со своими верными скакунами рушились мертвыми, но позади их товарищи на скаку перескакивали их уже мертвых, чтобы только добраться бы до изуверов Донской Земли.

Но пули беспощадно снова вырывали из сотни казаков отправляя их на тот свет так и не сумевшими отомстить за поруганных дочерей. И только два казака живыми доскакали и угадав по кожаной куртке убийцу, заводилу комиссара ринулись на него. Подняв коней на дыбы казаки отцы, закружили над комиссаром и стали рубить, но чтобы не убить, а искалечить на всю жизнь, чтоб жил и помнил. Отсекли сначала одну руку, потом другую. И спрыгнув с коней отсекли оба ноги.

Оставить коней значит было принять смерть, то казаки знали и не страшились, главное они отдали долг за своих поруганных дочерей и пусть были сражены пулями, они легли в одну землю со своими родными.

А комиссар бился в агонии в лужи крови. Один из китайцев сказал:

– Хорошой был комисан! Жить да жить! Да на жена погорел, – и выстрелил в тому голову.

СОБОЛЕВ

Царский генерал Соболев, перешел на сторону Красной Армии и с одного маха взял Станицу Аксайскую.

– Благодетель! Спаситель! – раздавалось с каждого дома.

Александр Соболев первым делом пошел в церковь.

Причастился, исповедался.

Красноармейцы молчали. Не противились!

– Пережитки прошлого! – сказала молодёжь.

– Верно! – сказали старики.

После Соболев выступил с речью на площади.

– Братья казаки! Почему я здесь? Почему под красным знаменем? А потому что подло и ни справедливо обошлись с Вами!

– Верно гутаришь Ваше превосходительство! – выкрикнул старый казак. – Как саранча налетели, всю пшеницу из закромов лошадям! Скотину под нож всю пустили! Ни курицы ни утя в хозяйстве не оставили! Какие же Они Православные? Если свой же народ на голод обрекли!

– Правильно говоришь дедушка! – ответил генерал. – Служивый?

– А как же! Турка бил! Крест честью и правдой заслужил.

– Добре! – ответил Соболев. – Пока я жив! Грабежам и мародёрству не будет места на Донской земле!

– Храни тебя Господи!!! – эхом пронеслось на площади.

И в туже ночь Белая Армия словно выросла из под земли и вошла в станицу.

Все Красные части бросились в рассыпную!

Соболев не побежал! Одевая мундир поцеловал нательный крест...

– Вот значит смерть пришла! – промолвил генерал. – Но за правое дело и умирать ни страшно.

– Генерал Соболев! – сказал поручик пришедший пленить генерала во главе еще трех офицеров. – Вам как генералу даётся права одуматься и обратно перейти на сторону Белой армии.

– Я ни девка, чтобы сватов гнать со двора и новых ждать! Сосватали уже!!! Я выбрал за кого и что умирать! За Бога Царя и Отечество! Вам поручик мои слова могут показаться дикими если я под красным знаменем! Но я ни когда, слышите никогда не грабил народ! Ни брал у матерей последние- уводя корову кормилицу со двора!

Поручик опустил глаза и спросил:

– Ваше последнее желание, перед смертью?

Соболев перекрестился:

– Помолиться!!!

МАРЬЯ

Измученная долгой разлукой не зная мертвый или живой, только укачав первенца, молодая казачка не смыкала глаз. Прислушивалась к каждому шороху. Стуку за околицей. Ставни не закрывала на ночь. Глаза уже выплакали все слезы и только до того были красными, что можно было понять как любила, как страдала Марья по мужу, которого уж будет как год не было в родном курене.

Не успели пожениться, помиловаться, встретить в сладкой истоме зарю, как муж Дмитрий вскочил на коня и унесся прочь в степь. Даже не зная, что его молодка уже носит под серд-

цем сына его. И сын родился без отца. Ни долгая думая нарекли так же как и отца Дмитрием, чтобы хоть что-то осталось в памяти и на свете по мужу если убили.

Но отказывалась Марья верить в самое страшное и ждала, и надеялась. И когда душевная боль стала притупляться и сыночек пролепетал первое слово – мама, тоска как будто ушла или только притаилась проклятая, тихо раздался стук.

Марья, словно окаменела. Марья знала, верила, что это муж, но первый миг долгожданной встречи настолько потряс её, что она долго не могла прийти в себя, взять себя в руки и подняться с постели.

– Марья, это я Дмитрий! – раздался дорогой голос.

И Марья, словно очнувшись бросилась открывать двери.

Весь исхудавший, с мешками под глазами от бессонных ночей, перед ней стоял родной и самое главное живой муж.

Марья бросилась целовать мужа. Покрытое щетиной лицо, руки и став на колени обвела мужа ноги руками.

– Что ж ты сделал со мной?

– Прости! – тихо отвечал Дмитрий и гладил по голове жену.

В кроватке зашевелился ребенок и проснувшись стал просить есть...

– Кто это?

– Что значит кто? Сын твой Дмитрием нарекли в честь тебя!

– Ну дела! То Бог меня и хранил! Чтоб хоть сына увидел, а потом и не страшно. Покажи!

– Смотри!

Марья взяла на руки мальчика четырех месяцев от роду, достала грудь и стала кормить.

– Действительно на меня похож!

– Нет, на свата! – рассмеялась Марья.– Конечно на тебя!!!

Дмитрий перекрестил сына:

– Ухожу я к Врангелю!

– Какому еще Врангелю? – побледнела Марья

– Борону! В Крым!

– А как же я? Сын? – заплакала Марья.

– Убьют меня здесь все равно! Все полки разбиты! И сотни казаков в округи не собрать.

Спать мальчика уложи, есть мне в дорогу собери, да червонец золотой, что дед Егор на свадьбу подарил, достань.

Марья не чувствуя ног под ногами исполнила, что велел муж.

– Я проводить тебя пойду!

– Пошли все равно не переубедить тебя вижу! А если сын проснется?

– Поел, до зорьки не проснется.

– Пошли! Только тихо.

Дмитрий верхом Марья следом держась за повод. Всю дорогу молчали. И снова, тоска и боль овладело сердце Марье.

– Все пора! – сказал Дмитрий поцеловал жену и пришпорил коня оставил только клубы пыли после себя. И тут Марья поняла, что это уже был словно и нее муж, а какой- то далекий не родной человек. А тот Дмитрий умер, погиб, погиб, как всё гибло на Дону! Марья не выдержала и разорвала воротник атласного сарафана. Она задыхалась, она больше не хотела жить... А как же ребенок? И ребенка не хотела, словно и неё тот была плоть и кровь. Марья пришла на крутой обрывистый берег Дона и с пустым сердцем, словно уже умерла, бросилась с обрыва...

АЛЁШКИНО СЕРДЦЕ

Пшеница в тот год уродилась на славу!

Налитая она золотом переливалась в солнечных лучах и обещала не оставить голодными ни одну казачью семью, ни один хутор ни одну станицу. Весь Донской край!

Старики крутили усы от восторга и гутарили, что отродясь не помнили, когда был такой добрый урожай.

Казачье семье от мало до велика дружно и весело взялись собирать урожай. Дочери, что помладше носили отцам и матерям харчи на поля. Старухи матеря не разгибая спины стояли у печей. И словно помолодели.хлопоты были в радость. Работа кипела!

Алёша, первенец Арсения и Ксеньи Кашириных- бойкий десятилетний мальчик с дедам Никодимом, возили пшеницу на двор родного куреня, на телеги запряжённой двумя быками. Потом на ток. Обмолачивать.

Старик Никодим пересыпал едрёные зерна и приговаривал:

– Нема переводу – казачьему роду!!!

– Почему деда? – спрашивал Алёша. – Потому что хлеба богато уродилось?

– Хлеб сам не уродиться! Хлеб посадить надобно еще! Но наперед первым делом в Бога верить, чтобы ни какой скверы на урожай не нашел! Молиться!!!

– А если не молиться?

– Что значит не молиться? Без Веры... Без веры Бога нет казака! Но казак верит и от того нема ему переводу! А перестанут верить в Бога, в Землю, в Дон! Всё! На том и конец! Но не бывать этому!

– Почему?

– Почему, почему!!! Спать иди, подрастёшь всё сам поймешь! Доживешь до моих лет и узнаешь! Да помолись перед сном как учил тебя.

Алеша смотрел на вековой потемневший образ Николая Чудотворца и улыбался. Он уж помолвился, но отчего – то ему показалась, что Николай Угодник улыбнулся ему в ответ.

И спалось так легко и светло было на сердце у Алёшки, чтобы так и спал и спал, но громкий стук приклада винтовке раздался в двери посреди ночи.

– Открывайте кулаки! Открывайте проклятые! – раздавался за дверью и другой приклад разбил окно, коварной рукой открыв на ночь закрытые ставни.

Глава семьи Никодим открыл темнея тучи. Никодима бесцеремонна оттолкнул красноармеец в буденовке за ним вошли еще несколько вооруженных людей в окружении комиссара с орденам красного знамени на груди.

– Хлеб сдать! Сдать, весь, до последней меры!

– Как весь? – ужаснулся Никодим. – А что мы есть станем?

– Овес!

– Я что по-твоему лошадь? – побагровел Никодим.

– По мне все одно! Мы Вам казакам жизнь подарили, пощадили! Расплачивайтесь!

– Добре! Любо мне всегда расплачиваться!!!

Никодим вышел из комнаты и вернулся с пашкой на гало.

– Ведь всё оружие было велено сдать еще весной! – с бешено сказал комиссар.

– Так и сдаю!

И от плеча до пояса разрубил комиссара И вслед раздался выстрел. Никодим упал замертво.

– Всех убить, дом жечь, хлеб реквизиловать, – закричал красноармеец сразившей первой пулей Никодима и вторым выстрелом убил Ксенью. Арсений закричал, изловчился, поднял пашку отца и одним ударам отрубил руку убийце отца и жены, вторым убил насмерть, и тут же повалился от нового выстрела сотрясшей прежде мирный дом

Пелагея бабка Алёши шептала внуку:

– Полезай под кровать и не шевелись, молчи.

Алёша плакал.

– Молчи! Ради Христа не плачь, убьют! – и сама вышла к палачам.
– За хлебом пришли, а всех убили! И меня старуху убийте!! Убейте, забирайте хлеб и уходите!

– Правильно карга говоришь! Мертвым хлеб не нужен! Нужен живым!

Раздался выстрел.

– Грузите хлеб! Пашку угробили и комиссара! Их отдельно положите. Дом сжечь.

Алеша выполз из под кровати, когда уже дом загорелся и стало трудно дышать. Ничего не разбирая и не помня Алеша взял от чего – то икону Чудотворца и спрятал под рубашкой. Ведь так показалось на молитве, что тот ему улыбнулся, а теперь то родных и не стало, а кроме него, кто ему улыбнется, кто пожалеет.

Двери были открыты и он выбежал в них.

– А леший! – сказал что носил буденовку. Ещё один! Не добились! – и выстрелил.

Алеша упал.

Он очнулся, когда его только стала приводить в себя одна станичница – Клавдия, одна из всех не побоявшихся прийти на место расправы над семьей Кашириных. И знала, что пойдет не напрасно. Звало её сердце в надежде, что может кто и уцелел и нужна помощь.

Алеша пришел в себя и отдышавшись достал из под рубашки образ Угодника. Пуля застряла под сердцем Чудотворца и спасла сердце Алеша.

Клавдия перекрестилась.

– Нема переводу казачьему роду! – сказал Алеша в одну ночь понял слова покойника деда...

ЛАЗОРИК

Не перечесть всех трав и цветов, что растут на Дону, что греет солнце, что манят взгляд, что влекут, что радуют и забавляют... Но есть из них самый необыкновенный цветок- лазорик.

Один из первых он раскрывает свой бутон навстречу зоре. Вольный, сильный, прекрасный как сама Донская Земля.

– Дарья, а Дарья! Пойдем сегодня в степь лазорик собирать?

– Пойдем Мария!

И две девушки за сватаные уже на зорьке отправились в степь.

– Когда же свадьба Ваша с Гришей? – спросила Дарья.

– До великого поста сказал Батюшка повенчают!

– Люб Гриша?

– А тебе Мирон?

– Люб!

– И мне мой Гриша люб! Для него цветы и пришла собирать!

– Так я тоже для Мирона!

Девушки рассмеялись.

Разулись. Пошли босяком по россе. Стали собирать цветы!

Вдалеке показались конные, но скоро закружили вокруг испуганных девушек отряд на вороных в буденовках.

– Гарные дивчины! – сказал один.

– Одна краше другой! – сказал второй.

– Уважить надо девушки! – сказал третий.

Мария и Дарья от испугу прижались друг к другу.

Отряд спешился.

– И что вы здесь одни делаете?

– Цветы собираем для женихов! Засватанные мы! Идите прочь! – смело сказала Дарья.

– Фу! Ха-ха-ха!! – рассмеялся один.
– Засватанные, но невенчанные же!!! – сказал другой. – Дурёхи как мужей ублажать будите, чтоб без опыта?
– Язык прикуси богохульник! – сказала Мария. – Где это видано, чтоб казачка порченой первый раз под венец шла!
– А прошли те времена! Сейчас новое время! И время это Советская Власть называется! Власть крестьян и рабочих! И Вашим казакам и куреням конец пришёл! Мы теперь ваши и женихи, и мужья, и хозяева! Придет зима! Силушки наберем и разом на корню вашу казачью породу повырубим!
– Никогда мужику тамбовскому казачка не поклонится! – как отрезала ответила Дарья.
– Что ты сказала?! Забери свои слова обратно! Не заберешь убую!
– Убей! А своего не добьешься!!!
– Оставь их Даня! Пошли они к черту! Ведьмы! Цветы на зоре собирают!
– Нет! Не отстану Ваня! – и Данил вскинул винтовку. – А ну змия кланяйся!!
– Стреляй! Не боюсь! А это на твою могилу! – и Дарья бросила букет лозорика под ноги истязателю.
Данил растоптал цветы и выстрелил.
Дарья с воплем упала в руки подруги.
– Во дурак! – сказал Иван. – Сначала надо было её испробовать на энто дело, а потом убивать!
– Сам дурак! Мало что ли одной? Я не буду, перехотелось! Иди пока и эту не пристрелил! Мария побежала по полю.
– Всё прохлопали! – вздохнул Иван. – Ну стреляй, что ждешь! Казаков на нас приведет! Данил выстрелил.
Мария упала сжимая в руках лазорик. Так и умерла не успев вплести в волосы донской цветок, чтобы лебедушкой за руку пройти по станице с любимым...

КРЕЩЕНИЕ

Январь. Крещенские морозы! Дон встал! Лед сверкал на солнце!
Разбитая сотня числом двадцать казаков уйдя от погони пришла к Дону.
– Ну что батька лед рубить? А ли к черту всё!
– Не дождется черт! Руби Николая!
Николай в овчинном тулупе оставил коня. Сбросил тулуп, обнажил шашку и пошел по льду. Размахнулся. Ударил. Шашка вошла как в масло.
– А достанешь как! – засмеялись казаки.
Николай улыбнулся:
– Без вас братья ни как! Подсобите!
Казаки спешились. Стали рубить лед.
– Николай шашку держи! Уплывет к сазанам!!! – смеялись казаки.
С задором и шутками вырубил казаки Святой Крест!
– Спаси Христос!! – сказал Николай и поддерживаемый за крепкие руки друзей казаков окунулся в ледяную воду. Но холод, словно и не почувствовал! Какое-то небывалое чувства пробрала до сердца.
Вынырнул и дал дорогу братьям казакам.
– Сжался Богородица! – сказал другой и также как Николай держась за руки казаков три раза окунулся в Дон.
Так казаков во время крещения застали нагнав красноармейцы и открыли беспощадный огонь.

– Нехристи! – кричал Николай и с шашкой вскочил на коня, и полетел на врага.

Конь споткнулся от пули и упал. Николай ловко спрыгнул и стал рубить пешех. Буденки летели в разные стороны. Но не успел казак как следует разогреться, как штык винтовки глубоко вошел Николаю в правый бок.

Красноармейцы уходили, а на льду лежали замертво казаки и кровь стекала в Святой Крест, и скоро из белоснежного он стал алым...

24 ЯНВАРЯ

ПРОЛОГ

24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП (б), после обсуждения 6-го пункта повестки дня – «Циркулярного письма ЦК об отношении к казакам», принимает секретную директиву «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах» с резолюцией: «Принять текст циркулярного письма. Предложить комиссариату земледелия разработать практические мероприятия по переселению бедноты в широком масштабе на казачьи земли». Эта директива, подписанная 29 января Председателем ВЦИК Яковом Свердловым, и положила начало рассказыванию. Из Директивы ЦК РКП «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах»: ...учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо: 1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти. 2. Конфисковать хлеб и заставляя ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам. 3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организовав переселение, где это возможно. 5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи...

Январь! Снега в станице намело под самые ставни куреней.

Казачьи подростки с отцом чистили от снега подходы крыльцу! Расчищали от снега подворье. Ходы в стоило лошадям.

Глава семьи пожилой Прокоп с георгиевским крестом на груди распахнув тулуп, стучал палкой и подзадоривал и поучал сына и двух внуков.

– Шибче! Шибче Андрейка! Снег собирать не девок тискать! Нежность тут не надобна! Загребай и бросай!!!

– Деду, да я девок не тискаю!

– Знаю! Усы ещё не отрасли! Это я тебе наперед сказываю!

– Батя в хату прошли бы! Застудитесь!

– Благодарствую Степан за сыновью заботу! Но мне здесь с Вами тепло! Любо смотреть, когда семья в трудах! Илюша, внучек, не отлынивай! Схлопочешь! – и Прокоп угрожающе стукнул палкой.

И вдруг какое диво. Зазвенели бубенчики и показались десятки саней. Конные и еще черт знает что.

У заснеженного плетня куреня Прокопа остановились сани с людьми. Мужик с бабой и ребятишками. Возле верховые! Комиссар на белой кобылице!

– Всё, пожилы! По барствовали! Теперь жить другим! Выметайтесь из дома пока целы! – крикнул комиссар.

– Ты что гутаришь ирод! Я свой дом своими руками поднимал! – закипел Прокоп и стукнул палкой. – Уходите по добру!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся комиссар. – А то что? Что ты можешь старик?

– Сейчас узришь ирод! – сказал Прокоп и словно какое оружие запустил свою тяжелую палку в голову комиссару.

Комиссар не ожидал, забыл, а ли не понимал, что в руках казака всё может тут же обратиться в грозное оружие.

Комиссар упал с коня. Но поднялся на подкашивающихся ногах. По голове на кожаную куртку стекала кровь!

– Что? Припух? – сказал Прокоп.

– Согласен! Ловко! Но погоди! Сейчас с силами соберусь! – сказал комиссар, вытер рукой кровь. Достал маузер. Улыбнулся. Выстрелил!

Прокоп замертво повалился на крыльцо.

Степан – сын убитого Прокопа на отмах ударил комиссара лопатой по голове. На этот раз комиссару повезло меньше – с раздробленной головой он мертвый упал в снег.

Конные открыли огонь.

Степана убили первого! Андрейку и Илюшу вслед.

Вера с криком, жена Степана выбежала на порог и была расстреляна.

– Кажись все! – сказал один из конных.

Но тут на крыльцо вышла бабка- жена Прокопа. Она, словно задохнулась от ужаса и горя и словно онемела отлучившегося и увиденного. Ноги её не выдержали. Она села на крыльцо и тихо закачалась, взявшись руками за голову.

– Тронулась! – сказал кто-то и выстрелил! – Заселяйтесь! Хата Ваша...

СОТНЯ

Май! Разоренные станицы большевиками за кровавую зиму, походили больше не на казачье вольницы, а на волчье логова и чертовы посиделки, на которых насильничали казачек и глумились над стариками.

Сотня Андрея Миронова сплотившись в железный кулак шла выдворять гадов из родных куреней!

Ночью подойдя к станице казаки спешили.

– Шашки наголо! – скомандовал Андрей. – В хату по двоя! Ни одного не оставлять в живых! Рубить нехристей от плеча до поганых мудей!

Казаки были беспощадны и за смерть и поругания родной Земли оплачивали смертью!

Заставали красных в врасплох и рубили на месте!

Когда рассвело на улицы из куреней были изрубленными выброшены триста человек!

– Жечь! Жечь эту падаль! Чтобы и духу не осталось! – наказал Миронов.

Переждали день в степи и как только стало вечереть вышли к новой станице! Так же как и в первый раз порубили всех! Только комиссара повесели!

– Пушай весит паскуда! – сказали казаки и тронулись дальше.

Страхом сковала мужиков из Поволжья, Тамбова, Пскова! Слух об сотне Миронова не знавшей пощады покотился по всему Дону.

Уже никто не спал, не пил! У каждой станице посты в двадцать конных.

И в следующей станице сотню ждали тачанки и семьсот штыков!

Семен пришел из разведки прикинувшись кацапом.

– Не одолеем!! Ждут! В засаде сидят! Десять пулеметов у них сволоты!!!

– Так что?! Ты что в штаны наложил?! – ответил Андрей. – Они нас ночью ждут! Мы днем пойдем гулять! Они за ночь глаз не сомкнут! А к обеду спать половина завалиться! Пулеметы отобьем! И не рассиживаться!! Как коршун бьет и уходим!

И к обедни круша дозорных сотня вошла в станицу! Крушила и била все на своем пути! Без единого убитого ушла, прибрав к рукам пять тачанок с пулеметами.

– Будим их бить сукиных сынов, пока Бог не призовет!!! – сказал Андрей сотне, а сам закручинился. Он понимал, что больше в станицы не сунешься. И следующий бой... Бой последний будет в степи. Он понимал, что красные бросили все силы и теперь за ними идут по пятам, и подумав сказал:

– Братья казаки! Я никого не неволю! Побьют нас! Не сегодня так завтра!!! Если кто желает может прямо сейчас уйти! И может будет спасен!

– Э-э-э!!! – прогудели казаки. – Не о том гутаришь Атаман! Мы с тобою до конца! Вместе бедокурили вместе и к Богу на отчёт пойдём! К Дону надо Атаман ходу давать! Там берега крутые! Поставим пулеметы! Много за жизни свои возьмем!

– Дело гутарите! Трогаем!!!

Когда в лентах иссякли патроны и пулеметы превратились просто в груды железа. Балтийские матросы в черных бушлатах поднялись и пошли на сотню!

– А-а-а-а! – протянул Андрей. – Эти драться могут! Будет веселей умирать!

И повел сотню на матросов.

Лампасы казаков смешались с бушлатами.

Андрей с рассеченной головой то и дело отгёртая глаза от крови, не видя врага бил шашкой наугад! Он стоял по колени в воде. И словно сам Дон – Батюшка встал на его сторону. Он уж остался один. Вся сотня была разбита. И только Андрей не хотел отдавать свою жизнь за гроши! Каждого кто подходил к нему он вслепую рубил насмерть!

– Надоел! Мала ему и мала! – сказал какой-то матрос и выстрелил.

Уже мертвого Андрея подхватила быстрое течение Дона и словно сына понесло к Богу...

ЕСАУЛ

– Что, Батяка – Атаман, отвоевались?! – спросил есаул.

Два десятка казаков покачиваясь в седле направлялись в родной хутор.

– Да ты погоди Гриша! – ответил Атаман. – Слышал, что в Ростове на вокзале языки трепали!

– Да брешут всё! Войне конец!

– С немцем может и конец! Но ты сам посуди, дадут нам большевики покою?

– А, что мы им?

– В том то и дело Гриша, что они свои порядки устраивать начнут! Казаки у них поперек горло стоят!

– Да не хай! Не под венец же нам с ними идти?

– То в то и дело, что миловаться они снами не станут!

– А что будут делать?

– Что! Под ружье поставят! Кто откажется в расход!

– Да не уж-то!

– А ты, что думал?

– И шо?

– Да я то не пойду! Нехристи они!

– Так чего?!

– Да ничего! Слышал брешут, что в хуторе у них уже... Как его, ячейка у них! Они нас не ждут! Тепереча они хозяйничают!

– На долго?

– Сейчас приедем, поглядим.

И в правда на хуторе казаков встретил сторожевой разъезд.

– Служивые? – спросили.

– А что же не видать! – обозлился есаул.

– В сельсовет езжайте!

– Куды?

– К начальству!

– А! Ну не хай! Поедим!

– Прежде оружие сдавать!

– Чего? Ты, что брешешь?! Чтобы казак оружие отдал? Вы кто такие? Что – то мы вас не признаем? Вы с какой станице?

– Мы то? Мы со Пскова!

– Откель?

– Пскова!

– Так и валяйте к себе! Оружие при нас!

Атаман улыбнулся.

– А ты что скалишься?! За главаря?!

– Дурья твоя башка! Атаман я! Хутор этот мой! А гутарил ты с моим есаулом! Христа раде не бузите!

– Какого ещё Христа?! Мы такого не знаем! Так и то, что хутор твой! Хутор красноармейская застава!

Есаул обнажил шашку:

– Это пока мы немца били вы в наших курнях захозяйничали?!

– Шашку спрячь! Вышла ваша воля!

Есаул улыбнулся вдарил, разрубив от плеча до пояса «нового хозяина». Не успел разъезд опомнится как бывалые казаки порубили разъезд.

– Горячий ты Гриша!

– Потому и есаул Батька!

– Это не отнять! Пойдем посмотрим, где у них сельсовет! Что за слово бесовское?!

Оказался сельсоветом дом Атамана.

Двое часовых у ворот.

Атаман вдохнул. Есаул понял. Спешился и без представлений одного за другим часовых зарубил:

– В дом всем нельзя Атаман! Не известно сколько их там чертей!

– Верно говоришь! Давай так! Стрельнем! Они на двор, а мы их отблагодарим за хлеб соль!

Стрельнули!

Десяток красноармейцев высыпало на двор. Кто с чем!

Казаки разрешили винтовки.

– Ещё кто есть? – выкрикнул Есаул. – Выходь! Не ударим!

Ответом был выстрел из маузера.

Есаул покачнулся и упал замертво!

Казаки бросились в дом и за волосы вытащили родного младшего брата Гришки Есаула, Михаила.

Михаил смотрел волком.

– Что же ты сучей потрах родного брата не признал? – зло спросил Атаман.

– Почему признал!

– Так что же ты Каин?

– А не по пути нам больше!

– А вон, что! Но это ты ошибся!

Казаки выкопали яму на хуторском погосте. Связали Михаила и бросили в могилу, а сверху есаула и стали закапывать.

– Смилуйте! Не губите! Я не нарочно! – кричал и плакал Михаил.

Казаки молча забрасывали могилу и скоро мольба и слезы Михаила стихли... И смерть наверно примирила братьев на том свете...

КАЗАК

Дед Прокоп сделал петлю и накинул гусю на шею!

Петля затянулась и Прокоп потянул гуся к пню.

Гусиная шея легла на пень. Прокоп размахнулся топориком и отрубил гусю голову. Степан, внук Прокопа, смотрел как кровь хлещет из шеи гуся.

Прокоп посмотрел на задумчиво внука и сказал:

– Никогда не стань как этот гусь!

– Не понял дедушка!

– Ты кто?

– Казак!

– То-то! А казак не даст себя как гусь!

– А, что казак?

– Казак! Голова у казака не на шеи, а в руке, что сжимает шашку! Чем крепче шашка в руке казака, тем целее голова на плечах! Вот тебе наука! Разобрал?

– Да!

На всю жизнь Степан запомнил слова деда и, когда по родному Дону покатилося лихо, когда казаки стали переходить на сторону красных и бить своих же, Степан понимал, что, когда такие казаки исполняют своё черное дело – им на шею накинута петля, все равно как тому гусю!

И, когда в его курень постучали станичники, Степан уже знал о чем будут гутарить и куда его склонять.

Степан стиснул зубы и сжимая шашку открыл дверь.

На пороге стоял кум и ещё двое из лучших друзей.

– Мы к тебе Степан! Что делать собираешься? – сказал кум и покосился на шашку. – Ты это брось!

Дружки затоптались.

– Что за мужиков сватать пришли? – сказал Степан.

– Да погоди! Мы же, как лучше! Не чужие мы тебе!

– Не чужие! Но и не ровня!

– Что ты брешешь Степа! Что значит не ровня? Ты казак и мы казаки!

– Я понятно- казак! А вы гуси!

– Что мелешь?

– А как есть то и говорю! А брешут собаки! Пошли вон со двора!

– А, то, что?

Степан побагровел.

– А, то, что я за себя не отвечаю!

– Значит, ты, нам отныне не брат?

– Как хошь так и думай! А, я, своё слово, сказал!

– Услышали! – ответил кум.

Ушли.

А через час снова постучали.

Степан понял, что пришли на этот раз не ляды точить и выстрелил через дверь! И в ту же минуту распахнул дверь и с шашкой переступив через мертвого кума ринулся на станичников пришедших за его жизнью.

Казаки от неожиданности бросились в рассыпную.

Степан настиг самого нерасторопного и зарубил!

– Дурак! – выкрикнул Гришка тот, что был из лучших друзей Степана и прицелился из нагана...

– Гусь, ты, Гришка! Не казак! – выкрикнул Степан.

Гришка соорудил гримасу:

– Гусь так гусь! – и выстрелил Степану в грудь!

Атаман Краснов

Николай Краснов качал на руках сына Петра и весело полный счастья и радости говорил:
– Родился казак, вырастит Атаманом будет! Будет, будет! Вот поедим на Дон! На Дон Батюшку!

Рассказывал счастливый отец, а маленький Петя в ответ улыбался и веселился от того что его качали и тепло разговаривают.

Петр был записан в войско Донское как казак станице Вёшенской.

Петя рос, но не семейная реликвия- шашка прадеда, что весела на стене тянула мальчика, а книги в шкафу. Часами не расставался мальчик с книгой, читал, наслаждался и втайне мечтал, тоже писать книги, быть писателем. Так и вышло рукой об руку с военной карьерой Петер Краснов вел жизнь литератора и всю жизнь помнил свой первый рассказ который показал отцу в 10 лет.

– Папа я написал рассказ- сказал мальчик и дал отцу листки бумаге.

– Рассказ? – удивился отец. – Про что?

– Про казаков! Как казаки били турков!

Отец серьезно взял рассказ и стал читать.

«Полные отваги сердца Донских Казаков бились и звали сыновей Дона на подвиг...»

Николай Краснов испытал трепет от слов сына.

– Сынок это ты сам сочинил или переписал из книги?

– Сам!

Отец погладил сына по голове.

– Если вдруг ты не будешь Великим Атаманом, будь писателем сынок, знай я и все павшие казаки тебя благословили...

– Папа а можно быть и Атаманом и писателем?

– Тебе за то как ты написал и видишь казаков, можно...

И на всю жизнь определяющей темой произведений Краснова явилась тема героического прошлого донского казачества («Атаман Платов»), «Донцы: Рассказы из казачьей жизни», «Донской казачий полк сто лет тому назад», «Казаки в начале XIX века: Исторический очерк» И многое другие.

И Воинская доблесть, вера в монархию и в долг отечеству, бескомпромиссная позиция к людям убивших царскую семью, подвигли Петра Красного. И будучи в эмиграции он пошел на сотрудничество с фашистской Германией и рассуждал:

««Нельзя забывать, что в то время, когда из многомиллионной массы русского народа только тысяча героев встали на защиту поруганной Родины, а остальные покорно несли ярмо Интернационала, мирясь с унижениями и оскорблениями... России нет, Россия больна, поругана и истерзана. Дон сейчас одинок и ему необходимо впредь до восстановления России сделаться самостоятельным и завести все нужное для такой жизни. Казачество должно напрячь все силы и всеми мерами бороться с большевиками, участвуя в освобождении России от большевистского засилья. Все, кто против большевиков – наши союзники. С немцами казаки воевать не могут; их приход надо использовать в целях успешной борьбы с большевиками и вместе с тем, показать им, что донское войско не является для них побежденным народом».

Краснов так и не принял прямое участие в войне против своего народа на стороне немцев, но будучи идеологом белого движения за границей, представлял для советской власти прямую угрозу и вступив сговор Англией, чтобы не своим руками расправился с Атаманом, советская власть получила Красного, который был арестован английской разведкой.

Но не генерала, и не Атамана, а в первую очередь писателя приговорила Советская власть к смерти, писателя и великого сына Дона который писал в тюрьме перед казнью.

«Глядя в прошлое, не могу не видеть, что будущее России окажется прекрасным. Пройдут тяжелые годы лихолетья, как проходили и раньше. Россия воскреснет и станет еще краше, нежели была, потому что русский народ полон героев и он встанет с колен, и сбросит страшное ярмо, освободится сам и освободит весь мир от красной чумы...»

ДОН

Голодные и изнывающие от жажды, Лука с пятнадцатилетним сыном Варфоломеем, прошли уже ни одну сотню верст. Все припасы иссякли. И Лука уже проклинал дряхлого и беззубого старика, что где – то однажды под Великим Новгородом рассказал ему о невиданной земле.

– Послушай есть на свете такая Земля- Край! – рассказывал старик, – Что не было и не будет прекрасней на всем свете. И течёт там самая необыкновенная река, что еще за тысячи лет до Христа была морем. И жили всегда в том краю одни войны! Поговаривают, что сам Ахиллес из тех краев! И рыбы там видимо невидимо и золото!

– Откуда ж золото! – изумился Лука. – Понятно рыба если река! Золоту откуда взяться? Совсем ты из ума старик выжил!

– Слушай и не перебивай! Золото в курганах с войнами той земли лежит! Добудь золото! Я совсем уже старый мне не под силу!

– И что добуду! Мне терять нечего! Жена умерла, гнуть спину на князя больше не желаю! Новой жизни хочу!

– Но запомни! Если возьмешь то золото, обратной дороги нет, ты за это золото должен сам все равно воином стать и хранить и оберегать тот край, что Доном зовется, – сказал старик и пошел прочь, ковыляя одной ногой которая вела его уже на тот свет.

– Тятя! Река! – радостно закричал Варфоломей.

– И верна река! И чудная! Берега покатыстые, где вообще обрывы! И ни одной души вокруг! словно все в земле сотни лет. А вот и курганы и стало быть те войны в них!!! Э-э-э! Сколько их как шапки великанов и в каждом золото схоронено.

Отец с сыном напились воды, что казалась слаще меда, на отмели наловили рыбы, развели костер.

– Тятя а тятя! Я такой вкусной рыбки отродясь не ел!

– А не боязно тебе сынок? Мы здесь со всем одни?

– Отчего должно быть страшно?! Ведь воля! Когда воля то ничего не страшно! А на Святой Земле и подавно одна радость на сердце!

– Так ты сынок эту землю за Святую принимаешь!

– А как же иначе! И накомила нас и на поила! И волю дала!

– Так за волю сынок ещё надо побороться! Завтра придут другие, что тогда!

– А что тогда?! Если хороший человек пусть живет! А если плохой пусть уходит, сам не захочет мы его прогоним! Вот выкопаем золото, купим оружие и будем здесь жить вольна! А но ведь как тятя и умирать если за свою землю, и не умрешь во все! А за волю и подавно! А если и умереть то только за Волю!!!

ИИСУС И ДОН

Восемнадцатилетний юноша стоял на ступенях Храма окруженный толпой. Никто не мог оторвать от него взора и внимал каждое слово. Слово было его дивным и пугающим одновременно.

– Человек рождается во грехе! И только борьбой и силой Духа, может очиститься от греха, от всего скверного. Но ни только в мыслях своих и помыслах, а в делах! Вера без дел мертва! Вы только и стараетесь приумножить богатство, которое обращается в тлен, когда нужно приумножать добрые дела, собирать и складывать в сердце, а не жить в погоне за сундуками серебра. Раздайте бедным свое серебро!

– Тебе что ли! -Ха-ха-ха! – рассмеялся, какой- то купец из толпы. -Мы знаем Тебя! Слова твои для бедняков, потому что у самого за душой нет ни одного серебряника.

– В моем сердце любовь! Я не коплю не серебра не злата! Только добрые дела!

– Что же доброго Ты сделал?

– Вот разговариваю с Вами! Разве мои слова не светлы, не добрые!

– Одними словами сыт не будешь! Уходи не мешай народ!

Иисус пошел прочь! Снова и снова находился такой, кто пытался его обидеть и усомниться, что Он несет свет.

– Юноша! – окликнули Иисуса.

Он обернулся и увидел перед собой уже зрелого мужчину, широкоплечего и одетого странно, словно он был чужеземцем. На нем была одежда из тончайшей выделанной кожи. Облегало его железные мускулы, словно собственная кожа. Голова была увенчана странными цветами. В одно время колючими как дикий кустарники в тоже время с алыми соцветиями.

– Вы звали меня? – спросил Иисус.

– Да! Ты говоришь так просто о большом!

– Кто Вы? Вы не из наших краев!

– Я с Дона! Меня зовут Атей! Я царь!

– Царь! – изумился Иисус. – Царь один и Он мой отец!

– Твой отец царь! – изумился в ответ Атей. – И как звать твоего отца?

– Мой отец творец всего живого на Земле! Мой отец – Бог!

У Атея отчего- то заискрились глаза!

– Как называются цветы на вашей голове? – вдруг спросил Иисус.

– Чертополох! Они растут на Дону на курганах, где покаются Боги!

– Бог один!

– Может и так! Я завтра отплываю на родину на Дон! Я хочу, чтобы ты отправился со мной!

– А что я найду, чего нет здесь?

– Свободу!

– Я свободен!

– Нет! Пока ты еще в плену!

– В плену? Что значат ваши слова?

– Тебе нужно отправится со мной на Дон! Увидеть мой народ, свободный, сильный! И только потом ты сможешь донести до этих глупцов свои священные слова!

– А сколько займет это время?

– Только тебе знать на это ответ!

– Хорошо я согласен!

И простившись с матерью Иисус пустился в странствие. И словно так и надо было. Как только Он вступил на корабль его увлек ветер, волны разбивающие об корма корабля.

Из открытого моря корабль с Иисусом попал в необыкновенный край. Берега были обрывисты. Течение стремительно.

Атей поднес воды Иисусу, которую он достал только что за кормой.

– Она же наверно соленая и не годится для питья? – ответил Иисус.

– Если не попробовать как можно судить?

Иисус испил!

Нечего прежде вкусней и отрезвляюще Иисус не пил.

– Это и есть Дон?

– Да Иисус! Это вода поит и кормит! Дает жизнь моему народу! А теперь вдохни аромат трав, что растут по берегам.

И правда Иисус почувствовал необыкновенное чувство. Пьянящие, но в тоже время не затуманивающие разум, а напротив такое, словно взял и оторвался от земли, и полетел над этим необыкновенным краем, словно птица.

Корабль престал к берегу.

На берегу встречали люди. Сотни, тысячи.

У Иисуса потемнела сначала в глазах, но потом он увидел, что все улыбаются, все счастливы и радостно приветствуют их.

Иисус сошел на берег. Его окружили девушки. Все были чернооки! С волосами до спины и полу голы!

Иисус смутился.

Атей улыбнулся:

– Наше путешествие было долгим! Не бойся их это мои дочери, они наполнят тебя силой, иди с ними.

Девушки взяли Иисуса и повели на какой-то курган порошей мягкой нежной травой. Девушки на перебой смеялись так весело, так задорно, что скоро Иисус перестал смущаться.

Девушки стали покрывать Иисуса с ног до головы поцелуями и он не заметил как они все обнажились и он вслед за ними.

Иисус засыпал в сладкой истоми, у него не было сил поднять даже руки, так он утомился любовью красавиц. Но то было только по на чалу. Когда Он проснулся Иисус как никогда был полон необыкновенной силы. Девушки мирно спали у его ног. Иисус оделся и оставил их.

Всё было так не обычно в этом краю. Не бедных не богатых. Мужчины доставали из Дона полные сети рыбы.

Иисус ел ту рыбу и не мог наесться.

Он поднимался на курганы и разговаривал сердцем с теми кто в них лежал. И на сердце было так светло и спокойно.

Иисус почти не с кем не пускался в беседу из местных, а в этом и не было нужды. Все были равными друг другу и счастливы. Иисус не заметил как прошли годы. Он возмужал. Взор его стал более светлей! Все, что Он увидел, познал пришло время рассказать другим.

– Атей! Я уйду сегодняшним кораблём на Родину.

– Я думал об этом! Но они Тебя не поймут! Раб не может освободиться от рабства если он рождён рабом!

– Я их освобожу!

– Взамен они возьмут Твою жизнь!

– Пусть! Я постиг свободу! И должен открыть глаза слепцам не знавшим её!

– Тогда иди... Дон тебя благословляет! Дон благословляет каждого кто хочет принести людям свободу! Время пришло. Иди!!! Иди и освобождай...

Закрытые страницы Второй Мировой Войны

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ

Когда генерал Власов попал в окружение, то Сталин прислал за героем обороны Москвы самолет. Ещё бы ведь генерал был его любимцев и Власов любил Сталина, но когда генералу объявили, что самолет ждет его на взлетной полосе, Власов сквозь зубы проговорил:

– Какой же полководец бросает свою армию на погибель? Полетит Егорова!

И эвакуирована была женщина военврач.

И только, когда судьба армии была предрешена Власов с горсткой солдат и офицерами из его близкого окружения решил пробраться к своим.

Шли долго через лес и вышли к деревне Туховежи.

– Надо спрятаться, узнать, как обстоят дела в деревне, – продолжил майор Стрельцов.

– Правильно! – ответил Власов.

И выбрали одинокий сарай на краю деревне. Но красноармейцы не остались незамечены, за ними всё время следили глаза церковного старосты. В деревне Туховежи издревле жили староверы, со своим уклоном и правилами, даже новая власть не смогла их поломать. И в новой России они остались сами себе на уме и немцев встретили с хлебом и солью. И тогда, обнаружив не званых гостей церковный староста стал собирать народ. Взяли кто дрын, кто топор и окружили сарай. Утомленные солдаты и генерал после длительного перехода дремали, оружие лежало на полу и староверы застали их врасплох.

Они с криками ворвались в сарай и стали бить Красноармейцев.

– Не давайте им взять оружие! – кричал староста. – Вяжи их антихристов! О нехристи!

Власов вздрогнул, он закончив два курса духовной семинарии, по особому верил в Бога. Не говорил о Боге, что в Советское время было не принято, но и не отказался, а в сердце носил светлую радость Воскресения Христа Спасителя, и теперь услышав от своих же, Антихрист, покорно опустил руки и сдался без боя. И Власова почему – то били сильнее других, но когда генерал и его спутников поставили перед немцами, он вышел вперед и сказал:

– Я генерал армии Власов, это мои солдаты. Прошу вас, отнестись к ним всё равно как они со мной одного звания. Так как это дорогие мне люди...

Особых пожеланий носившие лично к собственной персоне генерал не озвучил.

В концентрационном лагере под Винницей, где содержались старшие офицеры представляющие интерес для немцев – видные комиссары и генералы. Власова уважали более всех. Ведь обладая всего 15 танками, части генерала Власова остановили танковую армию Вальтера Моделя в пригороде Москвы – Солнечегорске, и отбросил немцев, которые уже готовились к параду на Красной площади Москвы. А когда в прессе началась травля Власова и его объявили врагом народа, администрация и во все с чувством отнеслась к генералу, который страшно переживал, что записан в предатели и враги, не ел и ходил чернея тучи. И решение организовать Власовым освободительную армию встретила с пониманием. Первое предательство собственного народа там а деревне, народа за которого Власов проливал кровь и второе теперь от любимого Сталина побудили генерала действовать... Но так положила история, что Новая Армия генерала не добилась славы, Власов и его окружение было арестована. Суд, словно издеваясь, в своем лице представляя русский народ приговорил Власова к позорной для генерала смерти через повешение.

Было августовские теплое солнечное утро, Власова подняли на эшафот, палач, смотрел с уважением на генерала, что был под два метра ростом и с высоко поднятой головой встречал позорную казнь.

Вслед за ним должен был принять смерть близкий друг Власова, генерал майор РККА Благовещенский.

– Андрюша! – выкрикнул Благовещенский. – Прости их!

Власов улыбнулся и от чего то вспомнил Христа и отвечал:

– Они сами всё поменяют, когда поймут. Я понял... Я свое слово сказал...

И палач одел на шею генерала Власова петлю.

Слова, что однажды сказал Власов гласили следующие и звучно отзываются в современности. Власов призывал к освобождения народов России. Его основные положения: свержение сталинского режима и возвращение народам прав, завоеванных ими в революции 1917 года, создание в России новой свободной государственности, «утверждение национально- трудового строя», «всемерное развитие международного сотрудничества», «ликвидация принудительного труда», «ликвидация колхозов», «предоставление интеллигенции права свободно творить, а народу самому выбирать свою судьбу в открытом демократическом волеизъявление.

СТАЛИН И ЯКОВ

Над всеми фронтами закружились листовки. Их пускали немцы с самолета и то было страшной бомбы. Листы бумаге ложились в окопы и в руки солдат. Когда узнали, что в листовках, командиры под угрозой расстрела запретили солдатам читать эти листовки, но все равно, люди прятали и тайно читали:

«Сын Сталина, Яков Джугашвили, старший лейтенант, командир батареи артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, сдался в плен к немцам. Если уж такой видный советский офицер и красный командир сдался в плен, то это показывает с очевидностью, что всякое сопротивление германской армии совершенно бесцельно. Поэтому кончайте все войну и переходите к нам!»

А на обратной листовке была воспроизведена рукопись письма: «Дорогой отец! Я в плену, здоров. Обращение хорошее. Желаю здоровья, привет всем. Яков».

– Желаю здоровья! – процедил сквозь зубы Сталин и со страшным лицом смял листовку и запустил в другой конец кабинета. – Лаврентий! Лично, и незамедлительно докладывать мне о каждой новости про Якова!

– Будет исполнена- ответил Берия и поспешил удалиться.

Сталин вышел иза стола и стал мерить комнату шагом.

– Катя, Катенька, Катюша, – с любовью проговорил Сталин имя первой жены, скоропостижно скончавшийся всего 22 года от тифа. Она умерла в муках, и последние слова её были:

– Иосиф дай мне слова, не оставь нашего сыночка?

– Что ты это Катя! Как я смогу?

– Обещай!

– Обещаю!

Шло время Сталин завёл новую семью и детей, но данное слово жене хранил, Яков на всегда остался самым главным...

И Сталин не спал двух ночей, пока Берия не принес новых новостей о старшем сыне.

– Чувствует себя хорошо! В контакт с фашистами не вступает. Его все время фотографируют, для влияния на армию и на вас товарищ Сталин.

– Шакалы! Он не скажет им не слова, я это знаю, ты слышь меня?

– Не скажет!

Потянулись горькие дни а за ними недели. Вести о сыне были, но походили одна на другую. Сталин каждый раз не сдерживался, словно его резали по живому.

– Они его расстреляют, – сказал Сталин после очередной порции новостей. – Вот увидишь Лаврентий так и будет!

– Предлагаю организовать Якову побег! – сказал Берия.

– Что? – сжал кулаки Сталин. – Никогда! Раньше надо было думать когда в плен сдался!

Сталин ничего не хотел слышать не о побеге, не о попытках улучшить содержания сына и словно только ждал, вестей о смерти сына, чтобы раз и навсегда забыть и успокоится. И когда роковой день настал, и Сталину сообщили, что Яков убит при попытке побега, Сталин, словно выдохнул и сбросил страшный груз сердца.

Но через день снова стал чернея тучи, слова жены Кати перед смертью, снова и снова вставали в памяти и Сталину, нужно было найти и покарать виновных и он вызвал Берию.

– Лаврентий, Яшина дочка пусть останется пока у меня... А жена его Юля по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться...

И в это же день Юлю поместили Лефортово.

– Я вас спрашиваю в последний раз в каких вы состоите связях с фашисткой разведкой? – кричал следователь до смерти пугая жену Якова, на допросе.

– Я вас не понимаю, плакала невестка вождя.

– Это вы спланировали, пленение Якова Джугашвили?

– Что? Как это?

– Вы уговорили мужа сдать фашистам?

– Нет что вы такое говорите?

Сталин каждый раз получал отчет о допросах невестки в течение несколько лет и освобождения женщина получила только после того как перенесла ужасы, словно и вправду была виновата. Но и тогда не спала спокойно и успокоилась только после смерти Сталина.

Говорят, что перед самой смертью, Сталин вызвал Берию и помолчав, сказал:

– Когда я умру, Яков должен будет реабилитирован! Пусть Катя знает, что я о нем всегда помню, что я его не оставил...

ПАУЛЮС

Генерал-лейтенант Шмидт подал командующему телеграмму Гитлера.

И Паулюс прочитал, что стал генерал-фельдмаршалом...

– Вас можно поздравить? – просил Шмидт.

Паулюс задумался и ответил не сразу.

– Данная телеграмма означает одно, чтобы я застрелился!

Шмидт сдвинул брови.

– Да генерал, ведь фельдмаршалы в плен сдаваться не должны, однако такого удовольствия я фюреру не доставлю... Я был один из участников плана Барбаросса, я и положу ему конец. Приказываю, по всему фронту выбросить белый флаг!

Шмидт ахнул.

– Если останемся живы, я скажу почему, выполняйте это приказ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.